
18+

Yuna Vell

Сомниум: Пока боги голодны

«Автор»
2026

Vell Y.

Сомниум: Пока боги голодны / Y. Vell — «Автор», 2026

Боги спят. Люди умирают, чтобы они не проснулись.Магия древних Хранителей поддерживает жизнь городов. Взамен смертные отправляются в их обители на Сомниум — турнир, где божественный голод обретает плоть. Здесь можно получить силу, о которой другие лишь мечтают. Если боги позволят тебе уйти.Лиора не помнит своего прошлого. Теперь ей предстоит выбирать: кому протянуть руку, чью тайну сохранить и какое обещание нарушить ради следующего шага.У каждого Хранителя свои правила. У каждого участника — надежда пробудить дар. Но даже обретённая сила не защитит от клинка того, кому ты доверился.Постепенно среди соперников появляются те, с кем Лиора хочет вернуться домой. Вместе они строят планы на жизнь после турнира — тихо, словно боги могут подслушать.Впереди — последняя обитель.До неё ещё нужно дожить.

© Vell Y., 2026
© Автор, 2026

Yuna Vell
Сомниум: Пока боги голодны

Пролог

Лиора

Из сна меня вырвало резким толчком, настолько сильным, что спина выгнулась на холодном камне, а воздух сдавленным хрипом вырвался из лёгких. Под рёбрами вспыхнула боль, и я открыла рот, пытаясь вдохнуть, но грудь словно стянуло железным обручем: ни глотка воздуха, ни звука — только судорога, от которой перед глазами начали расплываться тёмные пятна.

Камень подо мной ещё дрожал, и по его поверхности пробегала мелкая вибрация, отдававшаяся в позвоночнике. По стенам разбежались тонкие светящиеся линии, на несколько мгновений выхватив из мрака низкий свод, влажные стены и тёмный проём напротив; затем сияние стало меркнуть, оставляя после себя только обрывки увиденного. Мне хотелось отпрянуть, спрятаться от того, что разбудило меня в этой глубине, но тело не слушалось, а руки, стоило попытаться приподняться, дёрнуло назад, и над головой с металлическим лязгом натянулось железо.

Первый вдох обжёг горло, второй оборвался кашлем, и мне пришлось снова опуститься на плиту, не в силах сделать ничего, кроме как жадно втягивать воздух и ждать, пока грудь перестанет судорожно сжиматься. Я боялась отвлечься от дыхания, боялась, что если хотя бы на мгновение перестану следить за каждым вдохом, то лёгкие больше не расправятся и тёмное пространство вокруг окончательно сомкнётся надо мной.

Постепенно дрожь под спиной начала стихать, а светящиеся линии на стенах бледнели, словно кто-то медленно закрывал глаза. Вместе с ними исчезали очертания свода и проёма, пока от всего увиденного не остались лишь смутные пятна, растворившиеся в густой темноте. Где-то справа капала вода, и теперь, когда собственное дыхание перестало заглушать всё вокруг, каждый удар капли о камень казался слишком отчётливым, почти нарочитым, будто невидимый кто-то терпеливо отсчитывал время.

Я несколько мгновений ждала нового толчка, не решаясь пошевелиться и прислушиваясь к тому, как под камнем затихает дрожь. Потом прошло ещё несколько мгновений, но ничего не произошло: стены оставались неподвижными, пол больше не ходил подо мной, а тьма по-прежнему молчала.

Осторожно повернув голову, я разглядела на запястье широкий металлический браслет, от которого к краю плиты тянулась цепь. Такая же цепь удерживала вторую руку; стоило потянуть их к груди, как звенья натягивались, а холодный металл больно вдавливался в кожу, будто хотел напомнить, что свобода мне не принадлежит.

— Здесь кто-нибудь есть?

Голос прозвучал хрипло и незнакомо, словно принадлежал не мне, а человеку, которого я когда-то слышала издалека и теперь пыталась воспроизвести по памяти. В пересохшем горле запершило, пришлось сглотнуть и подождать, пока першение немного ослабеет, прежде чем я смогла позвать снова:

— Кто-нибудь есть?

За тёмным проёмом никто не отозвался; только вода продолжала мерно ударять о камень, и этот звук становился почти невыносимым в своей равнодушной регулярности.

Кто-нибудь должен был заметить моё исчезновение, и эта мысль на мгновение согрела меня, позволив ухватиться за неё, как за край обрыва. Я попыталась представить встревоженное лицо, услышать голос, зовущий меня по имени, увидеть чьи-то руки, протянутые навстречу, но ни одного лица вспомнить не удалось.

У меня должен был быть дом. Дверь, которую можно найти даже в темноте, знакомый порог, чьи-то шаги за стеной, запах тепла и присутствие людей, для которых моё возвращение имело значение. Я пыталась удержать хотя бы что-нибудь из этого, но образы появлялись

только затем, чтобы сразу рассыпаться: каждая дверь оказывалась выдуманной, каждый коридор вёл в пустоту, а лица стирались прежде, чем я успевала их рассмотреть.

Тогда я попыталась назвать собственное имя.

Губы шевельнулись, но за ними не нашлось ни звука.

Я не знала, кто я.

От этого стало страшнее, чем от цепей.

Упершись пятками в плиту, я рванула руки на себя, и железо отозвалось резким звоном, но крепления даже не дрогнули. Под левым браслетом выступила кровь, тонкая и тёплая, скользнувшая по коже, однако я почти не почувствовала её, потому что тут же дёрнула снова, надеясь, что второй рывок окажется сильнее первого. Боль заставила меня остановиться, но мысль о том, что нужно выбраться прежде, чем вернётся тот, кто оставил меня здесь, оказалась сильнее страха.

Руки всё ещё дрожали, когда под рёбрами внезапно кольнуло. Сначала я решила, что во время рывка потянула мышцу, и попыталась повернуться, чтобы найти более удобное положение, но боль не ослабла, а, напротив, стала глубже и острее, словно что-то медленно сжималось внутри тела.

Согнувшись настолько, насколько позволяли цепи, я прижала ладонь к боку и почему-то была уверена, что пальцы сейчас станут мокрыми от крови. Однако ткань оставалась сухой, а под ней не ощущалось ни раны, ни припухлости, ни чего-либо ещё, что могло бы объяснить эту боль.

Воздуха снова стало не хватать. Я попыталась крикнуть, но горло пропустило лишь слабый стон, потому что боль стянулась под рёбрами тугим узлом и на несколько мгновений весь мир сузился до одной точки — до пульсации под ладонью, до судорожного дыхания и до ледяного камня под спиной.

Потом боль отпустила.

Это произошло так внезапно, что я ещё долго не решалась разогнуться и продолжала дышать мелко, осторожно, прислушиваясь к тому, как отступает напряжение. Должно было прийти облегчение, но вместо него внутри разлилась тоска — необъяснимая и до слёз знакомая, будто вместе с болью исчезло что-то необходимое, чьё присутствие прежде оставалось незамеченным.

Взгляд сам собой метнулся к проёму.

Там по-прежнему никого не было, и всё же мне пришлось прислушаться, потому что казалось: совсем рядом только что оборвалось чужое дыхание. Я ждала, что из темноты появится лицо или протянется рука, но слышала только воду, собственное сердцебиение и тихое поскрипывание цепи, когда я шевелилась.

Больше лежать на этой плите было невыносимо.

Подтянув левую руку к груди, я принялась ощупывать браслет пальцами правой. Узкие металлические полосы переплетались настолько тесно, что в полутьме их легко было принять за сплошной обруч; ни замка, ни скважины на поверхности не обнаруживалось, а подушечка пальца лишь скользила по холодному металлу и цеплялась за засохшую кровь.

Наконец под большим пальцем обнаружилось крошечное углубление.

Я надавила, но ничего не произошло. Тогда попробовала сильнее, одновременно поворачивая запястье, и в наступившей тишине раздался тихий щелчок.

Браслет раскрылся.

Освободившаяся рука тяжело упала мне на живот, и несколько мгновений я только смотрела на неё, не веря, что теперь могу поднять её куда угодно. Пальцы плохо слушались, поэтому я медленно согнула их, разогнула, а затем осторожно коснулась лица.

Щека оказалась мокрой.

Когда начались слёзы, я даже не заметила.

Вытерев лицо рукавом, я поспешно взялась за второй браслет и почти сразу нашла под большим пальцем такое же углубление. Раздался ещё один щелчок, и вторая цепь со звоном скользнула по камню, освобождая руку.

С края плиты всё вокруг казалось непривычно высоким, а внизу темнел неровный пол, покрытый мелкими осколками. Пока я растирала затёкшие кисти, среди красных следов от металла проступили тонкие бледные линии, пересекавшие кожу и складывавшиеся в едва различимый рисунок.

Я провела пальцем по одной из них.

Кожу обожгло настолько резко, что рука отдёрнулась сама собой. На мгновение мне показалось, что под пальцами вспыхнул огонь, хотя никакого света больше не было, и в темноте не осталось ничего, кроме острой боли, быстро распространившейся до локтя.

Натянув рукава до самых ладоней, я больше не стала смотреть на запястья.

Ступни коснулись ледяного пола, и ноги едва не подломились подо мной. Пришлось вцепиться в край плиты и переждать слабость, пока дрожь не отступит, а затем, переставляя босые ступни с осторожностью старухи, я добралась до проёма вдоль стены.

За ним начинался узкий проход, откуда тянуло сыростью и затхлым холодом. Камень под ладонью был скользким, местами крошился, а острые обломки впивались в подошвы, поэтому при каждом шаге мне приходилось останавливаться, переносить вес и нащупывать ногой место, куда можно было ступить.

Проход вывел к лестнице.

Наверху её перегородила накренившаяся плита, между которой и стеной оставалась узкая щель — тесная, но всё же достаточно широкая, чтобы протиснуться боком. За плитой чернел ещё один проход, и я, прижавшись плечом к холодной кладке, сделала шаг, затем второй, стараясь не думать о том, что может скрываться по другую сторону.

Платье резко натянулось на спине.

Меня схватили.

С этой мыслью я рванулась вперёд, обдирая плечо о камень, и сердце забилось так сильно, что его удары отдались в горле. Я уже почти закричала, когда поняла, что ткань удерживает меня не чья-то рука, а всего лишь острый выступ в кладке.

Здесь никого не было.

Это был только камень и зацепившееся платье.

Заставить себя отступить оказалось труднее, чем протиснуться в щель: дрожащие пальцы долго не могли освободить ткань, а когда мне наконец удалось это сделать, я ещё несколько шагов прошла, не оборачиваясь, словно за спиной действительно могло оставаться что-то, способное последовать за мной.

Каменные ступени закончились, и под ногами стала рыхлая земля. Из трещин в кладке свисали мокрые корни, цеплялись за волосы, скользили по лицу и шее, а потолок постепенно опускался всё ниже, пока мне не пришлось согнуться, а затем встать на четвереньки.

Впереди серел свет.

Земля холодила ладони, под коленями хрустели мелкие камни, и с каждым движением свет становился шире. Оттуда тянуло ветром — настоящим, свежим, наполненным запахом мокрой листвы и дождя, — и этот запах казался почти невозможным после затхлого подземелья.

Последние корни пришлось раздвинуть руками.

Снаружи шёл дождь.

Мелкие капли оседали на ресницах и стекали за ворот, над деревьями лежало низкое серое небо, а ветви раскачивались под ветром, заставляя листья дрожать и шептаться. Всё вокруг двигалось, звучало и дышало, и после тесного подземелья эта внезапная широта пугала едва ли не сильнее, чем тьма.

Голова закружилась, поэтому я опустила взгляд и села прямо в мокрую траву, подобрав под себя ноги. Некоторое время я просто смотрела на ладони — на грязь, забившуюся в складки кожи, на дрожащие пальцы, на рукава, скрывавшие следы браслетов, — и пыталась понять, куда идти дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.